

*Олександр Михайленко, Олександр Лошицький
(Київ)*

НАЛЕЖИТЬ ДО НЕГАЙНОГО ВИКОНАННЯ (Слідча справа Кирила Коршака)

Кирило Юхимович Коршак – визначний український історик, археолог та літератор, народився 12 травня 1897 року в селі Дердин Хутір Черкаського повіту Київської губернії (зараз – Городищенський район Черкаської області) в родині селянина.

Здобута ще до революційних подій непогана, як для людини його стану, освіта дала змогу працювати сільським вчителем.

З початку 20-х років виявилось поетичне обдарування молодого Кирила Коршака, він стає членом літературної спілки «Плуг».

Перші роки українського відродження в період «українізації» відчинили перед Кирилом Юхимовичем двері найавторитетнішого вузу – Київського інституту народної освіти (Київського держуніверситету), на історичному факультеті якого він навчався у 1925-29 роках. Серед студентів Кирило Коршак був в числі перших, разом з іншими представниками передової молоді брав активну участь в діяльності ГУКУСу (гурток культури українського слова), керованого видатними вченими-літературознавцями М.К.Зеровим та П.П.Филиповичем. Ще під час навчання у 1928 р. вийшла перша збірка віршів поета під псевдонімом О.Лан «Отави косять».

З історичних дисциплін найбільшу увагу Коршак приділяв археології, тому після закінчення КІНО молодий науковець став аспірантом Київського історичного музею, а згодом Археологічного музею ВУАН, брав участь у випуску журналу «Хроніка археології та мистецтва». У 1931 році Коршак захистив дисертацію за профільною темою.

У період організації низки академічних наукових установ К.Коршак виступив одним з засновників Інституту історії матеріальної культури, де обіймав посаду секретаря-редактора видань Інституту.

Кирило Юхимович брав безпосередню участь у розкопках поселення Трипільської культури в с. Халеп'є Київської області протягом експедицій 1934, 1936-1937 рр., скіфських курганів у М.Нікополь у 1935 році.

Наприкінці 20-х років К.Коршак перейшов до ВУСППу (Всеукраїнської спілки пролетарських письменників). Період зламу українського села, згортання українізації, перші гучні судові процеси сильно вплинули на молодого літератора. Незважаючи на особисте знайомство з Іваном Ле, Олександром Корнійчуком, Яковом Савченком, листування з тогочасним редактором літературно-мистецького журналу «Червоний шлях» Павлом Тичиною, Кирило Юхимович не зміг перебороти реалій радянської дійсності. Після двох збірок «Назустріч сонцю» та «Долоні площ», виданих у 1930 р., вся наступна лірика поета набула інтимно-особистого характеру і писалася

ним «в шухляду».

Не склалося і особисте життя Коршака. Влітку 1936 р. він був змушений розвестися з дружиною Маргаритою Львівною. Після цього проживав одинаком у гуртожитку т.зв. Музейного містечка у Лаврі (корпус 7, квартира 7).

6 листопада 1937 р. К.Коршака було заарештовано Управлінням державної безпеки НКВС УРСР на підставі звинувачення за ст. 54-8, 54-11 КК УРСР «як активного учасника української націоналістичної організації, що стояла на терористичних позиціях». Зазначимо, що архівна слідча справа Коршака К.Ю. досить невелика за обсягом і містить матеріали засудження (арк. 1-100) та матеріали реабілітації (арк. 101-189).

Документів, писаних рукою К.Коршака, небагато – це заява на ім'я начальника 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, де висловлювалося бажання «...чистосердечно и искренно рассказать о своей контрреволюционной деятельности», датована 21 листопада (арк. 26-27), та не датовані «зізнання» (арк. 47-67), що майже дослівно стали основою єдиного допиту Коршака, який оформлено 10 грудня оперуповноваженим 4-го відділу УДБ НКВС УРСР молодшим лейтенантом Перкіним (арк. 7-23).

Для підкріплення звинувачення наводиться протокол допиту Сугака М.М., співробітника Інституту історії матеріальної культури, та витяги з протоколу допиту Теслі Т.Т., датовані 15 листопада, в яких згадується Коршак (арк. 67-84).

Далі ідуть матеріали судочинства: обвинувальний висновок, протоколи судових засідань, вирок Військової колегії і насамкінець – клаптик паперу, наче куля в потилицю, довідка про виконання вироку (арк. 91-100).

Перейдемо до розгляду документів. Вище вже згадувалось про повну тотожність тексту власноручних «зізнань» і допиту, виконаного Перкіним. Тепер, після накопичення масиву документів та свідчень про механіку тюремної машини НКВС, це досить легко пояснити.

Витяг з протоколу допиту свідка, колишнього слідчого НКВС у Києві Точилкіна Михайла Абрамовича, вміщений у справі Коршака: «... в 1937-1938 гг. в Наркомате существовала такая практика, когда почти от всех арестованных отбирали собственноручные заявления с той целью, чтобы видно было, что арестованные сами сознались в совершении преступления. В тех случаях, когда арестованные не знали, что писать в заявлениях, то им подсказывали сами работники наркомата, а если и это не помогало, тогда применяли к арестованным физические или психические меры воздействия, как то по двое суток держали в кабинетах на допросе, не давали спать и т.п.

Были такие случаи, что к арестованным применяли физические меры воздействия и бывшие наркомы внутренних дел УССР Леплевский и Успенский» (арк. 183).

Іде допит людини, доля якої вже фактично визначена. Треба лише оформити це документально:

«Вопрос: – Вы арестованы, как участник антисоветской националистической террористической организации. Признаете вы себя виновным в этом?»

Ответ: – Я признаю себя виновным в том, что я до дня ареста являлся участником антисоветской националистической организации, в которую был завербован в начале 1934 г. Козубовским – б. директором института истории материальной культуры Академии наук.

Вопрос: – Но ведь и до вхождения в организацию вы были националистом и проводили националистическую работу?

Ответ: – Да, это так. Националистические настроения были у меня еще в тот период, когда я учился в Институте народного образования в Киеве (1925-29 г.)» (арк. 7).

Допитуваний, як у павутинні повинен був обплутувати себе звинуваченнями:

«...Во время учебы я находился в крепком националистическом плену. Я не искал поддержки в партийных и советских организациях и не пробовал сбросить с себя грязь национализма и стать до конца преданным советским гражданином» (арк. 10).

Навіть у творчості своїй ворог мав бути ворогом.

«.. В стихах из сельской жизни разрабатывалась тема о жизни крестьянина – единоличника. После организации колхозов я перестал писать на сельские темы, так как жизнь колхозов для меня была чужда, я ее не понимал и не старался понять. Во многих стихах из сельской жизни явно сквозила кулацкая идеология. В стихах из жизни рабочих я протаскивал клеветническую идею о том, что город, рабочие живут за счет села» (арк. 10).

Якою ж конкретно «злочинною» діяльністю займався Кирило Юхимович? Чим він так настрахав каральну систему?

«... В одной из бесед в начале 1934 г. Козубовский у себя в кабинете заявил, что мы украинские националисты должны группироваться и проводить работу, направленную к развитию украинской науки, культуры, противопоставляя ее той культуре, которая насаждается на Украине партией и советской властью...

Разговор с Козубовским был мною воспринят, как директива для проведения националистической работы.

В следующей беседе, Козубовский уже в более откровенной форме рассказал мне о существовании контрреволюционной националистической организации, ставившей своей конкретной целью свержение советской власти, отторжение Украины от Союза ССР и создание самостоятельного государства с буржуазно-демократической формой правления.

На предложение Козубовского, примкнуть к организации, я дал согласие.

Вопрос: – Какими путями организация пыталась осуществить свою конкретную цель?

Ответ: – Козубовский в разговоре со мной указывал, что главным и решающим средством, путем которого организация считала необходимым осуществить основную цель – это подготовка вооруженного восстания. При этом он указывал на проведение антисоветской агитации для создания базы в массах. Кроме того, широким проведением вредительства мыслилось озлобить население, которое в виде протеста выступило бы против советской власти.

Вопрос: – А террористические замыслы организации вам известны?

Ответ: – От Козубовского, а также впоследствии от участника организации Сугака мне известно, что организация стояла на террористических позициях.

Вопрос: – Вы разделяли террористические установки организации?

Ответ: – Да. Я разделял террористические установки организации» (арк. 11-12).

Де ж міг себе реалізувати націоналіст-шкідник та терорист-науковець – звісно в науці, на передньому краї боротьби за світлі голови трудящих:

«...Козубовский поручил мне работу секретаря редакции института. На моей обязанности лежала читка работ и литературная их редакция. В этой работе по указанию Козубовского я оставлял ссылки на работы махровых буржуазных националистов (Антоновича, Грушевского, Данилевича, Макаренко, Вовка, Гаченко, Яворского). Кроме того, в самих работах в тексте сохранялись полностью концепции этих авторов. Так было, например, с работой Магуры, в которой были ссылки на Макаренко, Хвойку, поляка Костржевского и др. Так было и с работой Молчановского, в которой автор полностью повторил концепции контрреволюционера Яворского о разгроме в XII-XIII вв. многих городов юга Киевщины не татарами, а князем Данилом Галицким. Эта концепция противоречит определенным высказываниям Маркса о разрушительной деятельности татарского нашествия.

...Козубовский давал темы абстрактно схоластические, которые строились на вредном националистически обработанном материале. Темы были будто бы критические, а на самом деле они протаскивали националистические, враждебные марксизму положения. К числу таких работ принадлежат и мои работы о т.н. географическом материализме, где я вместо разгрома и разоблачения буржуазных и националистических теорий давал изложение их. Таким образом, я пропагандировал теории Грушевского об особом пути развития украинского народа, отличном от пути развития народа русского, теорию Вовка о принадлежности украинского народа к особой (динарской) расе, теории Рудницкого о резкой противоположности характеров народов русского и украинского, о большей одаренности украинского народа, о высшем его культурном развитии» (арк. 14-15).

«Все вредительские темы обсуждались всеми участниками организации. Обсуждения производились Козубовским или с каждым участником в отдельности или же группами. Вырабатывались основные положения

вредительских работ, намечались важнейшие материалы из археологии Украины, а также украинская националистическая литература, которая должна была быть использована в работах и проч. ...» (арк. 20-21).

Вражас цинізм, з яким формувався звинувачувальний матеріал. Реальні події та їх об'єктивна оцінка виставлялася як ворожа антирадянська агітація та пропаганда. Звинувачуваний повинен був викрити себе в усіх видах ворожої діяльності, аби більшало пунктів «кривавої» 54 статті Карного кодексу УРСР:

«Члены организации часто при всяком удобном случае вели контрреволюционные разговоры между собой. Так я с Дзбановским говорил о том, что аресты научных работников, писателей, художников ведут к уничтожению украинской культуры, что арестовывают только за то, что это украинцы...

Мы неоднократно вели контрреволюционные разговоры о будто бы тяжелом положении ученых, о низкой оплате труда научных работников. Высказывалось сожаление о невозможности писать работы так, как буржуазные ученые (без «методологии»), расхваливались работы буржуазных ученых и пр. ...

Помимо вредительской работы участники организации проводили широкую антисоветскую агитацию.

Участники организации, в том числе и я, часто вели к-р разговоры с единоличниками и колхозниками, которые работали на раскопках, о тех безобразиях, какие творились в колхозном хозяйстве – на полях. Мы указывали на то, что хлеб высыпается на корню и гниет в покосах, и объясняли это не преступной бесхозяйственностью руководителей колхоза, а тем, что колхозный строй не способствует улучшению хозяйства, а наоборот ведет к развалу его потому, что только единоличник будто бы заинтересован в развитии хозяйства» (арк. 21-22).

І звісно ж, кожний закінчений ворог мав завербувати до організації бодай одну людину, а це ще один пункт звинувачення:

«Вопрос: – А вербовочной работой вы занимались?»

Ответ: – Да, я лично в 1934 г. в Халепье завербовал в националистическую организацию Лавриненко Гавриила Макаровича, быв. учителя. С ним я познакомился во время работы в экспедиции в Халепье в 1934 г., говорил с ним о националистической работе института, выставлял ее как единственно правильную, давал читать издания института и другую националистическую литературу.... Видя в нем националиста, я, информируя его о наличии националистической организации, предложил ему проводить вредительскую работу, на что он согласился» (арк. 22-23).

Ну от і все. Робота зроблена, акценти розставлені вірно і фактичний вирок, доповнений свідченнями «ворогів» Сугака М.М. та Теслі Т.Т., можна оформити юридичне.

Судова машина працювала швидко і невблаганно. Судить самі, обвинувальний висновок був затверджений вже 19 грудня 1937 року (арк. 95).

«...На основании изложенного обвиняется: Коршак Кирилл Ефимович, 1897 г.р. урож. с. Дердин Хутор района им. Петровского, по национальности украинец, гражданин СССР, б/п, до ареста – научный сотрудник ин-та истории материальной культуры –

в том, что:

а) – являлся активным участником антисоветской украинской националистической террористической организации, ставившей своей целью свержение советской власти и отторжение Украины от СССР;

б) – полностью разделял террористические установки организации и высказывал террористические настроения;

в) – лично вовлек в антисоветскую террористическую организацию Лавриненко;

д) – проводил активную подрывную работу – т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-8 и 54-11 УК УССР.

Вследствие указанного, обв. Коршак Кирилл Ефимович подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в порядке закона от 1-го декабря 1934 г.

Оперуполномоченный IV отдела УГБ

младший лейтенант госбезопасности

(Перкин)

Утверждаю: Начальник IV отдела УНБ НКВД УССР

майор государственной безопасности

(Хатеневер)

Наступного дня, за заведеною процедурою, відбулося підготовче засідання виїзної сесії Військової Колегії Верховного Суду СРСР. Тоді ж Коршака ознайомили із обвинувальним висновком. На маленькому клаптику паперу залишився останній у житті автограф Кирила Юхимовича.

Настав судний день.

Приговор

«Именем Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Диввоенюриста А.М.Орлова

Членов: Бригвоенюриста И.М. Зарянова и военного юриста I ранга Ф.А.Климина

При секретаре военном юристе 1 ранга А.А.Батнер

В закрытом судебном заседании, в гор. Киеве «21» декабря 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

Коршака Кирилла Ефимовича, 1897 г.р., быв. научного сотрудника института истории материальной культуры в преступлениях, предусмотренных ст.ст.54-8 и 54-11 УК УССР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Коршак с 1934 года являлся активным участником антисоветской

української націоналістическої і диверсійно-терористическої організації, діявоавшої на Україні і організаційно был связан с одним из активных участников этой организации Козубовским.

Разделяя полностью террористические установки организации подсудимый Коршак высказывал террористические намерения в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Кроме этого Коршак вел вербовку в к.р. организацию новых участников.

Таким образом, установлена виновность Коршака в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-8 и 54-11 УК УССР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст.296 и 297 УПК УССР Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила:

Коршака Кирилла Ефимовича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и в силу постановления ЦИК СССР от I/XII — 34 г. подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий *А. Орлов*
Члены *Зарянов, Климин».*

Все. Темна завіса, як і ніч, поволі опускається. В глухих підвалах колишнього інституту шляхетних дівчат чується ще один поодинокий постріл. І з'являється чергова довідка-свідчення (арк. 100):

«Секретно»

Справка

Приговор о расстреле Коршака Кирилла Ефимовича приведен в исполнение в гор. Киеве 22 дек. 1937 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 11 лист № 80.

*Пом. нач. 12 отд-ния 1 спецотдела НКВД СССР
лейтенант госбезопасности*

Филатов»

Ще тоді, у 37-му, Кирило Юхимович опинився немов би у вакуумі, рідних поруч нема, друзів планомірно відстрілюють. Тому, мабуть, реабілітація його почалася лише навесні 1960 року. У процесі вивчення матеріалів була з'ясована повна безпідставність звинувачень. Наведемо лише один приклад. Лавриненко Гаврило Макарович, який нібито був завербований Коршаком, в свою чергу заарештований УНКВС Київської області 13 вересня 37 року і засуджений «трійкою» до розстрілу 25 жовтня того ж року, під час попереднього слідства Коршака К.Ю. взагалі не згадував і не називав.

Допити свідків, які особисто знали К.Коршака по науковій роботі –

Петрова В.П., Ястребова В.О., літератора Костенка А.І., доповнили цю картину.

Особи, котрі безпосередньо мали відношення до засудження Коршака, не уникнули розплати. Перкін Ханан (Петро) Рувинович у жовтні 39 року Особливою нарадою НКВС СРСР засуджений до 5 років таборів, його начальник Хатеневер Аркадій Мерович у травні 40 року Військовою Колегією Верховного Суду СРСР засуджений до розстрілу.

Останню крапку в цій трагічній історії поставив перегляд судової справи Військовою Колегією Верховного Суду Союзу РСР, яка своєю ухвалою від 22 грудня 1960 року вирок щодо Коршака К.Ю. відмінила і справу на нього припинила «за отсутствием состава преступления».

Можливо кривою посмішкою долі можна вважати останній наведений нами документ

«Акт № 579

6 апреля 1961 года

г. Киев

...По сохранившимся в деле актам описи и оценки имущества Киевского городского финансового отдела у гражданина Коршака К.Е. было изъято и реализовано имущества на 38 руб. 70.

Руководствуясь письмом Министерства финансов СССР и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 12.1.1956 года №№ 31-1283/3 и 137, комиссия считает, что возврату из государственного бюджета подлежит стоимость ранее конфискованного у гр-на Коршака Кирилла Ефимовича имущества в сумме тридцать восемь руб. 70 коп.».

1997 рік став сотим з дня народження Кирила Юхимовича Коршака. Культурна громадськість України відзначає цю дату. Одночасно це рік 60-річчя наймасовіших репресій сталінської доби. Відкриваючи правду про минуле, сподіваємось, що це буде ще одним до тисяч аргументів для процесу руйнування тоталітарної свідомості.

Архівна кримінальна справа на Коршака К.Ю. за № 52578-ФП знаходиться у Державному архіві Служби безпеки України.